

ВРАГ НОВЫХ РУССКИХ

ВЕРСАЧЕ ИЗОБРЕЛ УНИФОРМУ
ВСЕХ ПРОСТИТУТОК МИРА

Мэлор СТУРВА

Я могу из падали создавать поэмы,
Я могу из горничных делать королев...

Александр Вертинский

Джанни Версаче родился в Реджио ди Калабрия, небольшом портовом городке на юге Италии. Это был город непролазной нищеты, но нищеты не серой, а живописной. Об этом позаботилась уже не география, а история. Дом, где родился Версаче, находился поблизости от развалин древнего греческого храма, и мальчик Джанни любил играть среди его руин. Еще нищета Реджио ди Калабрия была романтической. Об этом позаботились уже не география, а знаменитые калабрийские мафиози, у которых имелось свое специфическое представление о кутуре.

В столкновении трех миров, вернее, даже антимиров родился уникальный, неповторимый стиль Версаче-дизайнера, Версаче-человека. Сегодня он мог обедать с принцессой Дианой, с которой он общался по телефону как минимум раз в неделю, а завтра — с боксером Майком Тайсоном. Сегодня он мог создавать костюмы для миланского "Ла Скала", а завтра — для дешевых американских телевизионных боевиков. Для него было вполне естественно проводить показ своих мод и в фешенебельных отелях, и в пропахших бензином гаражах и ангарах; и под Моцарта, и под рок-н-ролл. Он бесстрашно проводил мосты между утонченной мировой элитой и грубоватой масс-культурой, не делая уступок ни той, ни другой. Ему ничего не стоило ориентировать дорогой вечерний туалет за предельной цены простым

джинсовым материалом. И это отнюдь не было со стороны Версаче вызовом или эпатажем. В его дизайнах дорогие шелка и джинсовая дерюга смотрелись абсолютно естественно. И именно в этом заключался гений Джанни Версаче. И секрет его ошеломительного успеха. "Версаче, — писал редактор журнала "Vog" Боулс, — резким движением вонзил высокую моду в повседневную серятину".

Версаче круглосуточно жил своей профессией. Наблюдая по телевидению за церемонией вручения "Оскаров", Версаче к своему ужасу обнаруживает, что его платье, сшитое для Джейн Фонды, странно натянуто на груди актрисы. Автор в панике. Неужели его произведение, его шедевр с изъяном? Он не может угомониться, пока не находит разгадку — Джейн Фонда сделала себе пластическую операцию, подтянула бюст.

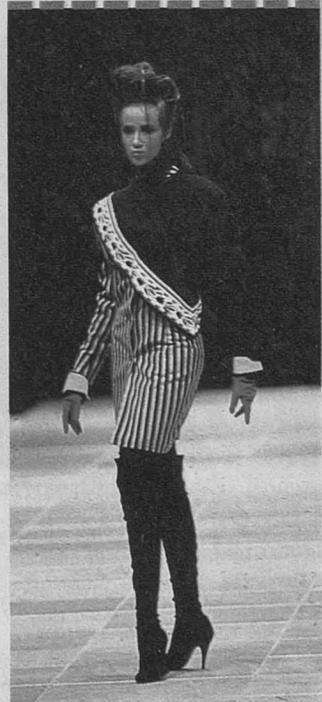
По свидетельству Максима Горького, Ленин говорил о Толстом, что до этого графа в русской литературе не было подлинного мужика. Перефразируя Ильича, можно сказать о Версаче, что до этого аристократа в мировой моде не было подлинного демократа. "Я ненавижу дизайнеров, которые живут в башне из слоновой кости. Дизайнер должен быть частью своего времени, — говорил Версаче. — Если ты понимаешь свое время, ты — хороший дизайнер". Никто не понимал своего времени лучше, чем Версаче. Именно поэтому он был великим дизайнером.

Его коллега Марк Джэкобс говорил: "Версаче было наплевать, что его одежду называли непристойной. Он не собирался просить ни у кого извинения за свою моду, за то, что в ней было слишком много золота, слишком много секса, слишком много всего. "Слишком" не было проблемой для Джанни. Чем больше одежды, чем больше ткани он набрасывал на человеческое тело, тем меньше они мешали нам любоваться им".

Да, он был удивительным и уникальным максималистом. До этого максималиста в мировой моде не было подлинного минималиста, как до минималиста Джорджио Армани — его главного соперника и антипода — в мировой моде не было подлинного максималиста. Соперничество этих двух

итальянских дизайнеров было движущей пружиной современного кутюра, его интригой и сюжетом. Критик Фрэнк Де Каро, восхищаясь бесстрашием Версаче, писал, что он противопоставлял свой кричащий желтый цвет бежевому — Армани. "Я не могу создавать классические, очень, очень пастельные бежевые костюмы. Это делают все. Мне от этого скучно. А люди, по-моему, не хотят быть скучными", — говорил Версаче. На что Армани отвечал: "Если ты делаешь уродливую моду, то, естественно, ты нуждаешься в Клаудии Шиффер". Тем не менее соперники уважали друг друга. Узнав об ужасной смерти Версаче, потрясенный Армани воскликнул: "Он был символом всемирного успеха итальянской моды!"

"Тот, кто боится перебарщивать, — боится жизни", — любил повторять Версаче. Это было безмерным чувством меры, а не безвкусицей, в чем обвиняли его завистники, невежды и ханжи. Искренность, правда не могут

Только он мог совмещать в одном костюме четыре вида ткани.

Фото Spina/S&P

Фото Spina/S&P